
РЕФЛЕКСИВНОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ РАЗВИТИЕ В СВЕТЕ ИДЕИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ МОДЕРНОВ

ВАРДГЕС ПОГОСЯН

Процессы глобализации в 80–90-х годах XX столетия привели к появлению в западной науке концепций мультикультурализма, делиберативной демократии и рефлексивной модернизации, в соответствии с которой чем больше обществ модернизируется, тем более агентов (субъектов) приобретает способность размышлять о социальных условиях своего существования и тем самым об их изменении.

В числе факторов этого процесса авторы концепции У. Бек, Э. Гидденс и С. Лаш в работе "Рефлексивная модернизация"¹ называют трансформирование системы ценностей, переориентацию с материальных сущностей на нематериальные, формирование "общества знания", децентрализацию власти и т. д. Важнейшая черта современности – ее рефлексивный характер. Общество производится и воссоздается активными участниками социального события, при этом индивиды выступают как своего рода социальные теоретики, т. е. постоянно обращаются к своим знаниям и подвергают оценке и переоценке правила социального обращения. Из "простой" модернизация становится "рефлексивной" по мере того, как разрушаются базовые принципы модерна, происходят структурные метаизменения, неподвластные контролю и прогнозу. Таким образом, одно из следствий рефлексивной модернизации – это знания в разных формах: научное, опытное, повседневное. Открытая Э. Гидденсом и У. Бекком теоретическая перспектива неразрывно связана не только с осмыслением судьбы европейской цивилизации, но и с анализом проблем европейской интеграции.

Расширение Европейского Союза на восток, которое состоялось в 2004 г., не сняло острогу экономических и социальных проблем в ряде стран, но, скорее, их пролонгировало. На фоне возрастающей экономической, социальной и культурной гетерогенности Европейского Союза французы и голландцы отказались от конституционного договора.

С. Роккан, констатируя факт дифференциации Западной Европы вокруг осей Север – Юг и Запад – Восток, отмечает, что поскольку Европа – континент многокультурный, многонациональный, многоконфессиональный, то потенциал конфликта здесь подчас превышает потенциал общих ценностей². Ибо говоря об общеевропейских ценностях, забывают, что европейская идентичность – это условие работы общеевропейских институтов, мира в Европе,

¹ Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994.

² Kommisrud A. Sources of Change in East European Development, the Question of Unevenness and Backwardness in the Light of Stein Rokkan's European Macro-Model // Paper for a Conference "The Challenge of Theory". Moscow, 1996. June. P. 1-7.

сопряжения демократических ценностей на континенте. Она включает античную культурную традицию и христианские гуманистические ценности. Однако ислам также становится внутренним фактором европейской жизни, и с ним приходится считаться во всех сферах деятельности общества.

По мнению П. Бьюкенена, именно идеи мультикультурности и материализм нанесли сильнейший удар по христианству, институтам брака и семьи и способствовали становлению доминирующей ныне на Западе культуры, которую он считает крайне опасной, в частности для демографических перспектив. Отказ от национальных границ уничтожит западные нации, поскольку они окажутся беззащитны перед напором массовой иммиграции, обусловленной потребностью развитых стран в трудовых ресурсах. Подавляющая часть иммигрантов, прибывающих в Европу, представляет другие расы, религии и культуры, и это способно изменить не только этнический состав населения, но и в целом исторически сложившийся облик Запада, его характер и устои. Аргументация этого тезиса основана на следующих демографических данных.

В Европе расположены 18 из 20 стран мира с наиболее низкими показателями рождаемости, и, если она попытается сохранить на нынешнем уровне количество трудоспособного населения в возрасте 15–64 лет, то ей придется до 2050 г. принять 169 млн. иммигрантов. При этом желательно сохранить еще и уровень социального обеспечения, в настоящее время поддерживаемый тем, что на каждого пенсионера приходится 4,8 работающих в возрасте 15–64 лет, и, значит, Европе придется принять уже 1,4 млрд. иммигрантов. Если нынешние тенденции сохранятся на протяжении всего XXI в., а никаких признаков изменения к лучшему нет, население континента к концу столетия вообще сократится до 207 млн. человек и составит менее 30% от его численности в настоящее время. В результате "колыбель западной цивилизации станет ее могилой", заключает П. Бьюкенен³.

Вопреки процессам американизации и популяризации мультикультурализма в национальных культурах европейских стран возникли и окрепли охранительные тенденции. Франция под влиянием консолидированного этнического протеста приняла программу по защите чистоты национального языка. В благополучной Австрии отмечался рост ксенофобии. Запад в явном противоречии с транслируемой в страны Восточной Европы идеологией "открытого общества" стремится закрыть свои границы для азиатских и восточноевропейских мигрантов. В ряде стран отказ от национальной валюты (национальной символики) в пользу евро (транскультурного символа) и от национальных конституций в пользу общеевропейской Конституции вызвал активный протест населения.

Характеристика общества, из которой проистекала концепция "рефлексивной модернизации" и либеральная политика консенсуса и которая не вызывала сомнений у большинства граждан демократических стран в 1990-е гг., оказалась в начале XXI в. несостоятельной. Особенно заметными изменения стали после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, 11 марта 2004 г. в Мадриде и 7 июля 2005 г. в Лондоне. Трагические события выявили глубинные противоречия в обществе, стали сигналом о возвращении противостояния, которое нельзя уре-

³ Бьюкенен П. Смерть Запада. Реферат книги // "Вестник Европы», 2004, № 11.

гулировать дискуссией и поиском компромисса: с террористами невозможно дискутировать. В большинстве европейских стран произошел постепенный сдвиг вправо (правые центристы А. Меркель и Н. Саркози, лейборист Г. Браун). Политические перемены стали фактом после провала Европейской конституции на референдумах во Франции и Нидерландах. Правые воспользовались благоприятной обстановкой, так как на первый план вышли традиционные для них темы: приоритет безопасности, укрепление позиций Европы как единого целого на международной арене, контроль над миграционными потоками и т. д.

Глобальная война с терроризмом, попытки установить мир с помощью универсализма "глобальной демократической революции", не убывающий социальный антагонизм сделали, в конце концов, очевидной недостаточность либеральных теоретических схем. Выявилось, что в ЕС даже дружественные страны (между которыми якобы нет границ) всеми силами борются за свое этнополитическое и культурное пространство, за свою экономическую и идеологическую безопасность, что выражается в фундаментальных доктринах по укреплению религии, исторической науки, демографического баланса и прочих столпов государства.

Мифичность "единой Европы" проявил экономический кризис 2008–2010 гг. Оказалось, что у Евросоюза отсутствует согласованная экономическая политика по преодолению последствий кризиса, что обусловлено разным уровнем развития национальных экономик, их разнонаправленностью и жесткой специализацией на мировом рынке (угроза дефолта в 2010 г. в Греции, Португалии).

Институциональные и экономические проблемы актуализировались в Европейском Союзе в тот момент, когда мир оказался перед лицом опасностей, порожденных неуправляемостью и новыми формами гегемонизма. На смену калькулированным и управляемым рискам эпохи биполярного мира пришли угрозы, которые не управляются и не просчитываются.

События последнего времени стали толчком к формированию нового мирового порядка, хотя контуры его пока туманны. Европе в этом процессе принадлежит маргинальная роль. Ее разделяют основные вопросы мировой политики и безопасности. Такой точки зрения придерживаются, осмысляя рефлексивность модернизации в новых условиях, У. Бек и Э. Гранд. В работе "Космополитизм: европейский путь выхода из кризиса"⁴ они пишут, что преодолеть нынешний кризис удастся только космополитической Европе, где соединятся принципы мирового и континентального гражданства. Существующие при этом расхождения не должны выстраиваться в иерархию или вытесняться общими нормами, ценностями, стандартами, но должны приниматься такими, каковы они есть. Эту версию космополитизма не следует путать с постмодернизмом. Принимая разнообразие, космополитизм не должен возводить его в абсолют, как это делает постмодернистский партикуляризм. Сама космополитическая толерантность базируется на некоторой совокупности повсеместно разделяемых универсальных норм, которые имеют дело с разнообразием, не наносящим ущерба единству соответствующей общности; в таком прочтении космополитизм представляет

⁴ Beck U, Grande E. Cosmopolitanism: Europe's way out of crisis // European j. of social theory. – London, 2007. – Vol. 10, N 1.

собой комбинацию единства и многообразия. Подход, связанный с новым пониманием интеграции, которая ориентируется не на унификацию правил и устранение национальных расхождений, а на их признание, У. Бек и Э. Гранд называют принципом дифференцированной интеграции и рассматривают разнообразие не как проблему, а как решение.

Однако перспективы ограниченного единения и евроидентификации представляются весьма спорными. Во-первых, культивирование общеевропейских ценностей на основе глобальных и индивидуальных ценностей, с которыми, естественно, нельзя не считаться, весьма проблематично. Если учитывать не только миграционное, но и ценностное давление Юга (представителей азиатских и африканских культур), то проблема приобретает еще большую остроту. Во-вторых, как показывает тот же европейский опыт, глобализация не всегда содействует престижу знания и образования, адекватному социальному статусу их носителей. В-третьих, современная Европа – общество, где, как нигде в мире, наблюдается маятниковое движение между крайними социально-правовыми точками: ценностями взаимопомощи, солидарности и коллективной безопасности и ценностями личной уникальности, вписанными практически во все правовые уставы европейских государств.

Таким образом, идеи современной Европы, призванные сформировать и отдельный человеческий индивид, и либерально-правовую социальную тотальность, пока что нельзя назвать совершенными, эталонными для других субъектов культурно-исторического процесса. Результат социально-инженерной деятельности по привитию общеевропейских ценностей подвела канцлер Германии А. Меркель 16 октября 2010 г., заявив о полном провале концепции мультикультурализма⁵.

Идеи У. Бека и его приверженцев развивают представления о рефлексивной модернизации в условиях кризиса европейской интеграции, когда эпоха модерна не закончилась, а вступила в фазу "второго" модерна, который не означает разрыва с принципами первого модерна, но проявляется в трансформациях таких институтов, как нация-государство и нуклеарная семья. Монолитность первого модерна поддерживалась нацией-государством, систематическим разделением труда, индивидуализацией, научным прогрессом и функциональной дифференциацией.

Второй модерн не способен обеспечить гарантий определенности и предсказуемости, так как его становление соединено с такими процессами, как глобализация, индивидуализация, трансформация гендерных ролей, изменение представлений об окружающей среде. В версии У. Бека новый, второй, или рефлексивный, модерн является дискурсом непредвиденных изменений в европейском обществе, запущенных в рамках самого процесса модернизации. Расхождение первого и второго модернов обусловлено стремлением объяснить фундаментальные трансформации в европейском социокультурном ареале.

В результате рефлексивная модернизация развивается по пути интерпретации текущих событий в Европе при недостаточном выявлении связи этих

⁵ http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml

событий со вступлением других обществ в эпоху модерна. Для У. Бека и его приверженцев первый и второй модерны абсолютно европоцентричны: в их трактовке специфические условия первого модерна неприменимы ко многим неевропейским странам, чей исторический опыт принципиально другой. В то же время эти страны открыты для дестабилизирующих влияний, что дает основания У. Беку размышлять об "неевропейских путях ко второму модерну и через него"⁶.

В работе "Что такое глобализация?" У. Бек пишет: "Глобализация принимает во внимание процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных действующих субъектов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности. Это процесс, который создает транснациональные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и оказывает содействие возникновению третьих культур"⁷.

По У. Беку, быстро изменяющаяся политическая и социальная реальность в странах Европейского Союза стимулирует дальнейшее развитие представлений об обществе риска, рефлексивной модернизации и постнациональной демократии. При этом перед Россией, как и перед многими другими странами, стоят два типа модернизации. Первый связан с "постмодернизацией", развитием новых технологий и появлением "общества знаний". Это попытки сделать рабочий процесс творческим и создать новые рынки, которые выходили бы на транснациональный, а может быть, и глобальный уровень. Второй тип модернизации связан с вызовами, с которыми неожиданно столкнулись все общества, – со "вторым модерном". Имеются в виду глобальные риски, проблемы окружающей среды и прочие нежелательные побочные эффекты успешной первой индустриальной модернизации⁸.

Однако ярко выраженный европоцентризм этих идей подвергается критике тех, кто способен взглянуть на теоретическую конструкцию У. Бека с определенной социокультурной дистанции.

Малазийский социолог Р. Ли подчеркивает, что разрыв между первым и вторым модерном нельзя считать реальным историческим разрывом⁹. Он обусловлен осознанием контингентности и преодолением гегемонии детерминизма, присущим первому модерну. Парадигмальный сдвиг от детерминизма к контингентности означает, что отсутствие у неевропейцев опыта первого модерна обусловлено их неприятием режима детерминизма. Последнее интерпретировалось европейцами как выпадение из общей исторической схемы прогресса. А колониализм в этом контексте рассматривался не только как стремление к эксплуатации, но и как попытка "цивилизовать" покоренных. Что же касается второго модерна, то, по мнению Р. Ли, его сутью является не

⁶ Beck U., Bonss W., Lau C. The theory of reflexive modernization: Problematic, hypotheses and research program // Theory, culture & society. – London, 2003. – Vol. 20, N 2, P. 7.

⁷ Beck U. What is Globalisation?, Polity Press, Cambridge, 2000, P. 26.

⁸ Бек У. Риски анклавной модернизации. Интервью информационному агентству "Росбалт" от 18.11.2010: <http://www.rosbalt.ru/2010/11/18/791280.html>

⁹ Lee R. L. M. In search of second modernity: reinterpreting reflexive modernization in the context of multiple modernities // Social science information. – London, Singapore, 2008. – Vol. 47, N 1.

столько глобализация контингентности, сколько усиливающая пластичность в интерпретации границ.

Заслуживает внимания и появление в разных частях планеты других модернов. Это позволяет Р. Ли истолковать второй модерн как часть калейдоскопа глобализующегося мира и задать вопрос: "Как неевропейские общества могут испытывать влияние второго модерна, если они даже в минимальной степени не подверглись влиянию первой фазы модерна?"¹⁰. Ведь если первый модерн был исключительно европейским, а второй модерн влияет и на неевропейские общества, то здесь, с одной стороны, проявляется стремление затушевать колониальное прошлое, а с другой – обосновать неоколониальную зависимость неевропейского мира.

Процессы социальной модернизации представляют собой синтез поступательной и инверсионной динамики, обусловленной особенностями национальной социокультурной традиции. Возможные исторические, социокультурные альтернативы, которые детерминированы процессами диахронного развития, – это сумма причинно-следственных связей, определяющих уникальную пропорцию локального и универсального в модернизационных процессах разных обществ.

Адаптируясь к радикально ускоряющимся динамическим процессам, мир в целом становится более современным, но и сами эти процессы меняются под влиянием национальной социокультурной традиции. Именно так возникла концепция "множественности модернов".

Ее выдвинул Ш. Эйзенштадт, считавший, что структурная дифференциация неевропейских обществ вовсе не должна воссоздавать европейскую модель. Он одним из первых отказался от жесткой дихотомии "традиция – модерн", указал на модернизацию Англии и Японии, происходившую под эгидой традиционных символов и традиционных элит, и разработал новый подход к анализу модернизации, в основе которого лежит идея плюрализма модернизаций.

Ш. Эйзенштадт различает "программу модерна" и ее осуществление в социальных, экономических, культурных и политических контекстах, весьма отличных от исходного (в Европе и США, где эта программа возникла). Он ввел в теорию модернизации широкий набор сменных факторов и состояний, что снимает классификацию "стадий" универсального перехода, общественных изменений и обнаруживает другие типы и варианты социального устройства и динамики.

В качестве примера зависимых переменных Ш. Эйзенштадт приводит численность, плотность и общие размеры общества, постоянность населения, разделение труда, религиозные верования и их структуру, социальную неровность, изменения в характере стратификации. Принимая во внимание обуславливающие факторы, он отказывается от одномерной оценки социальных трансформаций: "Варианты выбора в любой ситуации не являются случайными, но структурно подобные ситуации дают ряд альтернатив"¹¹. Таким образом, признается многообразие вариантов модернизации, в основе которых лежат религия, представление о мире, система ценностей и социальный контекст. Ш. Эйзенштадт

¹⁰ Ibid, P.63.

¹¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительный анализ цивилизаций. М., 1999, с. 216.

еще больше расширил горизонт своей модернизационной теории, трансформировав ее в концепцию "множественного модерна в эпоху глобализации"¹². В соответствии с ней европейская модель стимулирует появление разных институциональных и идеологических паттернов за пределами Европы.

В концепции плюрализации модерна базовая модель не может оставаться неизменной, поскольку, распространяясь на весь мир, она испытывает влияние множества культурных программ. Такая плюрализация проявляется в многократно повторяемом импорте и реэкспорте модерна, в фундаментальных институциональных и идеологических изменениях, результаты которых далеко не всегда в точности воссоздают характеристики базового европейского проекта. Наблюдается феномен обратной связи, что побуждает к реинтерпретации оригинальной европейской версии модерна в свете новейшего опыта других модернов¹³.

Г. Катценштейн развивает идеи Ш. Эйзенштадта и отмечает, что "множественность модернов разочарует тех, кто ищет один доминантный нарратив, например, рост секуляризма или неизбежность столкновения цивилизаций"¹⁴. Разные культурные программы сами себя модифицируют и адаптируют к таким масштабным историческим процессам, как модернизация, секуляризация, индустриализация и демократизация. Встреча транснациональных религиозных сообществ и разнообразных констелляций политического контекста в Европейском Союзе и за его пределами размывает имидж модерна как тотальности базового европейского проекта.

Теория диффузии и догоняющего развития в целом адекватно объясняет стратификацию международного общества, конкуренцию в защите преимуществ и ликвидацию отсталости, а также долгосрочные процессы, связанные с ранжированием разнообразных обществ. Диффузное распространение модерна в глобальном масштабе стало возможным не в результате эволюции единой идеи, а вследствие открытости модерна множественным интерпретациям. Основа модернизационного плюрализма – это динамические взаимодействия между культурными традициями и инновациями. Результатом такого типа взаимодействий становится появление гибридных форм модерна.

Сегодняшние представления о многообразии "модернов" принципиально отличаются от признания национальной специфики в классической модернизационной теории, поскольку последняя рассматривала Запад как единый образец, а эмпирические расхождения с этим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию.

Одним из первых это заметил Ф. Ригс. Традиционное общество, говорил он, "под влиянием сил модернизации эволюционирует в социально-политическую систему нового типа и такая новая система, часто характеризуемая по-прежнему как традиционная или как переходная, вырабатывает свои собственные системные характеристики, образуя оригинальный механизм самовос-

¹² Eisenstadt S. N. The vision of modern and contemporary society // Identity, Culture and globalization / Ben-Rafael R, Sternberg Y. (eds). - Leiden: Brill, 2001.

¹³ Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities: A Collection of Essays (2 Volume set), Leiden: Brill academic publishers, 2003.

¹⁴ Katzenshtein P. J. Multiple modernities as limits to secular Europeanization? // Religion in an expanding Europe / Ed. By T. A. Byrnes, P. J. Katzenshtein. – Cambridge, 2006, P. 4.

производства и поддержания стабильности. Иными словами, традиция под напором сил современности не сдавала своих позиций, как того ожидали; она обнаружила значительные адаптивные способности, порождая специфически национальные формы модернизации"¹⁵.

Национальная модель модернизации не только обусловлена логикой пре-модернизационного существования, в первую очередь, это тип развития, диктуемый национальными нуждами. "Национальное" в данном контексте понимается не как этноцентристское, а как соответствующее интересам основной геополитической единицы современности – национального государства. Таким образом, необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, т. е. к многообразию типов модернизации. Эта мысль подтверждается характером современных социальных изменений и подкрепляется новыми концепциями современной науки.

Концепция множества модернов и национальных модернизаций считает расхождения в модернизации разных стран закономерными, отвергая единый образец. Вопрос о том, в какой мере сегодняшнее технологическое и политическое развитие Запада снова способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, более не дискутируется. В условиях глобализации трансформирующийся Запад уже не может оставаться универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, какой тип модернизации оно применит. Появляется множество "модернов", которые формируются на локальном уровне. Множатся новые формы капитализма в Азии, они используют экономический механизм Запада без рекультивации. Возникают автохтонные формы капитализма (бразильский, южнокорейский, сингапурский), экономический уклад капитализма используется в коммунистической по своей идеологической оболочке Китае. Возникает новое Новое время с подъемом национальных форм капитализма, и Запад являет лишь одну из них. С точки зрения концепции множественности форм модерна, советская система также представляла собой "другой модерн", существенно отличавшийся от западного образца и сочетавший, казалось бы, несоединимые институциональные и идеологические характеристики"¹⁶.

Таким образом, современная европейская модернизация, которую приверженцы "рефлексивных" социальных изменений интерпретируют как итог воздействия специфических эндогенных факторов, представляет собой следствие экзогенного диффузионного влияния множественности неевропейских модернов.

Множественность модернов нельзя свести к простой симуляции европейского модерна. Это не отношение прецедентности, но общее становление, в рамках которого влияние динамики неевропейских модернов становится все более значимым. Обращение к проблемам насущных социальных изменений предполагает поиск баланса между глобальными процессами и локальными приоритетами в рамках национального контекста развития. Процессы инте-

¹⁵ См. **Осипова О. А.** Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985, с. 85.

¹⁶ **Hedin A.** Stalinism as a civilization: New perspectives on communist regimes // *Political Studies Review*. 2004. Vol. 2. № 2.; **Kotkin S.** *Magnetic mountain: Stalinism as a civilization*. Berkeley, 1995.

грации в европейском сообществе и проблемы, возникающие в связи с этим, становятся актуальными для обществ, которые, определяясь со своим стратегическим выбором, стремятся в Европейский Союз. Это обязывает обществоведов обратить пристальное внимание на упомянутые проблемы с целью корреляции методологических основ социальных преобразований.

ՎԱՐԴԳԵՍ ՊՈՂՈՍՅԱՆ – Եվրոպական ռեֆլեքսիվ զարգացումը բազմամոդեռնության տեսանկյունից – Ռեֆլեքսիվ արդիականացման արևմտա-կենտրոն տեսության քննադատական վերլուծությունը բազմամոդեռնության գոյության տեսանկյունից թույլ է տալիս ձևավորվող եվրոպական իրականությունը դիտել ոչ միայն իբրև մոդեռնի զարգացման ծագումնաբանական և արժեքաբանական գործոններով պայմանավորված արդյունք, այլև որպես եվրոպական մոդեռնների էքզոգեն ազդեցությամբ պայմանավորված երևույթ:

Ժամանակակից սոցիալական փոփոխությունների բնույթն ու սոցիալական գիտության նոր տեսությունների առաջացումը ենթադրում են հրաժարում այն հայեցակարգերից, որոնք հիմնված են «ընդհանուր» արժեքների ու նպատակների վրա և պայմանավորում են ազգային կողմնորոշմամբ զարգացման ծրագրերի ներդրումը:

VARDGES POGHOSYAN – *Reflexive European Development in the Light of the Idea of Multiple Modernities.* – The critical analysis of the theory of reflexive modernization from the point of view of the idea of existence of multiple modernities allows considering developing European reality not only as ontological and axiological product of immanent development of the Modernity, but also as a result of exogenous influences of non-European modernities. The character of modern social changes and the occurrence of new theories of a social science bring to refusal from ideas and concepts based on "universal" values and "common" purposes and make for the application of the national-focused programs of societal development.